

И.А.Воробьева

АРХИВНЫЕ УГОЛОВНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛ РЕПРЕССИРОВАННЫХ СУДЕЙ ЛЕНИНГРАДА)

Архивные уголовно-следственные дела являются неотъемлемой частью источникового массива. Надежность и степень достоверности содержащихся в них сведений варьируется в зависимости от того, насколько органы следствия и суда подвергали полученную информацию субъективной интерпретации. Вносившиеся в процессуальные документы личные данные и сведения о месте жительства подвергались наименьшему искажению, в связи с чем могут быть использованы для реконструкции биографий и быта обвиняемых.

Ключевые слова: исторические источники, судебно-следственное дело, биографические сведения, повседневность, советские судьи, Ленинград

Материалы архивных уголовно-следственных дел в отношении репрессированных лиц нередко используются как исторический источник при изучении карательной политики советского государства [1, л. 219-224; 2, л. 40; 3, л. 234-242; 4, л. 242-247]. Это дает возможность более детально представить масштабы политического террора, а также, проанализировав правоприменительную практику судебных и внесудебных органов [5, л. 73-92]¹, оценить, какая деятельность, с точки зрения власти, носила криминальный характер [6, л. 430]. Однако архивные следственные дела в силу своей процессуальной специфики не только закрепляли доказательства преступления, но и фиксировали биографии обвиняемых, сведения об их семье, имуществе, доходах, а случае ареста и обыска — содержали описание того, что окружало этих людей. Эта информация позволяет, приблизившись к изучаемому периоду, более внимательно рассмотреть лица эпохи и ее повседневность. В основу статьи положены ранее не публиковавшиеся материалы из десяти уголовно-следственных дел, хранящихся в архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Эти дела объединяет то, что лица, проходившие по ним в качестве обвиняемых, сами имели отношение к карательной системе советского государства, поскольку в период второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. были работниками судов Ленинграда.

Обстоятельства возникновения источника всегда оказывают самое непосредственное влияние на характер, качество и объем содержащейся в нем информации, а, следовательно, и на реконструкцию исторического явления. Изучить такую информацию возможно только через призму оценки подлинности и исторической достоверности источника [7, л. 31-34]. В настоящем случае речь идет об уголовных делах, дознание и следствие по которым проводил Народный комиссариат внутренних дел. Документы по таким делам, накапливаемые в ходе следственных действий после их завершения, направлялись либо в судебные инстанции, либо во внесудебные органы для вынесения приговора. В дальнейшем, уголовные следственные дела поступали на хранение в архивные подразделения советских органов безопасности и, приобретая статус «архивного уголовно-следственного дела», дополнялись материалами об исполнении наказаний, перепиской, сведениями о пересмотре приговоров, реабилитации [8, л. 145]. В данном случае уголовные дела были возбуждены Управлением НКВД по Ленинградской области в отношении бывших судей: Е.А.Петерсон, И.В.Минина, А.Н.Кондакова — в 1936 году [9, л. 1; 10, л. 1; 11, т. 1, л. 1], в отношении Е.И.Домбровской, Р.Г.Лютера, Н.И.Жилевич — в 1937 году [12, л. 1; 13, т. 1, л. 1; 14, л. 1], в отношении С.Д.Румянцева, И.И.Ромейко, И.Я.Аверина, И.Г.Ростовцева — в 1938 г. [15, л. 2; 16, л. 1; 17, л. 1; 18, л. 1]. Подлинность этих дел сомнений не вызывает.

В соответствии с положениями Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР 1923 года, циркуляров НКЮ и НКВД [19; 8, л. 248], требования к оформлению уголовного дела обуславливали вынесение многочисленных процессуальных актов: ордеров на производство ареста и обыска, анкет арестованных, постановлений, протоколов, обвинительных заключений, приговоров. Структура этих актов (как в отношении реквизитов, так и текстовой части — наличия обязательных разделов, формы и стиля изложения) были четко установлены [20, л. 17]. Уголовное дело имело своей целью привлечение к ответственности конкретных лиц и было строго персонифицировано, поэтому разделом, подлежащим обязательному включению, являлись сведения об обвиняемом. При этом информация о привлекавшемся лице указывалась оперуполномоченным НКВД еще на стадии возбуждения дела, уточнялась на основании паспорта арестованного и полученных от него сведений, неоднократно изучалась при допросах и очных ставках, получении ответов на запросы следствия, повторно перепроверялась судом, указывалась в бланках типовой формы. Аналогичные данные вносились в карточки осужденных, имеющиеся в отдельных уголовно-следственных делах (например, в отношении Е.А.Петерсон и А.Н.Кондакова, как отбывавших наказание в Соловецкой тюрьме особого

¹ Нуйкина Е.Ю. Документы судебно-следственного производства как источник для изучения религиозной политики советского государства. 1917—1930-е годы: дис. ... канд.ист.наук. М., 2019. 228 с.

назначения [9, л. 131; 11, т. 3, л. 4]), а также в материалы проверок по жалобам осужденных и их родственников. Необходимо отметить, что сведения об обвиняемых, отражавшиеся в процессуальных документах уголовного дела, воспринимались органами следствия и суда в значительной степени технически и не подвергались субъективной интерпретации, что, в свою очередь, делает такую фиксацию особенно ценной для последующего исторического исследования. По этим же причинам представляется исторически достоверной и сухая констатация быта обвиняемых, нашедшая отражение в процессуальных документах при производстве обыска и ареста. Напротив, к интерпретации обвинений бывших судей в членстве в «троцкистско-зиновьевьевских», «шпионских» или «повстанческих» организациях» следует подходить с осторожностью, учитывая проводившуюся в СССР того периода политику репрессий. На необходимость именно такого подхода указывают многие исследователи, справедливо отмечающие необходимость скрупулезного исследования истории создания текста и специфики действовавшего делопроизводства [21, л. 153-210; 22, л. 74-84].

Из чего же состояла биографическая информация об обвиняемом, содержащаяся в процессуальных документах архивных уголовно-следственных дел? Во-первых, она включала перечисление фамилии, имени и отчества, возраста, пола, даты рождения, национальности. В указанных уголовно-следственных делах наименьшие сведения содержатся в протоколах подготовительных судебных заседаний, наиболее полные — в анкетах арестованных лиц и карточках осужденных. Анализ приведенных дел показывает, что средний возраст названных судей к моменту их ареста составлял 43,5 года. При этом самому старшему из них было 56 лет, самому молодому — 38 лет [16, л. 2; 17, л. 2]. Из десяти человек женщин двое: Н.И.Жилевич и Е.А.Петерсон. По национальности: один латыш, один поляк, эстонка, остальные русские [13, т. 16, л. 30; 16, л. 1; 9, л. 1]. Во-вторых, сведения о привлекаемом должны были отражать его историю жизни и степень политической благонадежности. Для фиксации этого процессуальные документы дела содержали типовые графы о происхождении и социальном положении лица, его образовании, профессии, месте работы (как актуальном к моменту ареста, так и всех предыдущих), службе в царской, Белой и Красной армии, участии в подпольной работе до революции, партийности (членстве в РКП(б) — ВКП(б)), участии в других партиях, отношении к оппозиции и пр. Надо отметить, что, поскольку обвинением делался акцент на «контрреволюционной» деятельности бывших судей, то для своей реабилитации в глазах следствия и суда арестованные были вынуждены подробно излагать свой жизненный путь, особо подчеркивая заслуги перед партией и советской властью. При этом такая информация легко проверялась, поскольку партийная организация судов Ленинграда не реже, чем раз в три месяца направляла в областной комитет ВКП(б) подробные анкеты на судебных работников. Приводим биографии судей, нашедшие отражение в материалах перечисленных уголовно-следственных дел (с целью источниковедческой критики эта информация дополняется сведениями из соответствующих фондов исторических и партийных архивов, семейного архива А.Ю.Кондакова — З.Ю.Шатовой, открытых источников):

Иван Яковлевич Аверин, уроженец Рязанской губернии, из крестьян. Образование низшее — закончил трехклассное городское училище. Был ломовым извозчиком. С 1911 по 1917 служил каптернамусом в царской армии. С 1918 по 1922 г. — командир взвода в Красной Армии, награжден боевым оружием в 1919 за боевое отличие. Член РКП (б) с 1919 года. С 1919 по 1921 г. был комиссаром партийного коллектива на Первых пехотинских курсах войск ВЧК в Псковской губернии. Во время Кронштадтского мятежа командовал ротой коммунаров Первого городского района Петрограда. С 1922 года по 1929 год — на освобожденной партийной работе. В 1929 году снят с партийной работы в связи с выступлением по поводу несогласия с проводившейся политикой индустриализации и коллективизации. Направлен по личному указанию С.М.Кирова на судебную работу. В 1931 году закончил без отрыва краткосрочные юридические курсы при Ленинградском областном суде [17, л. 2, 5, 17, 25, 96, 31, 113]. Работал народным судьей [23, л. 8, 9; 17, л. 113]. В декабре 1937 года приказом по Ленинградскому областному суду снят с работы судьи «за правооппортунистическую практику и классовую слепоту в судебной работе» [17, л. 31 об, 32 об.].

Елена Ивановна Домбровская, уроженка Петербурга. Образование низшее — окончила начальную городскую школу. Из рабочих, заготовщица обуви на фабрике «Скороход» [24, л. 29]. С 1917 года ответственный секретарь первой организованной в Петрограде женской организации при районном комитете партии. Член партии с сентября 1918 года. Состояла членом Бюро райкома партии. В январе 1920 г. командирована для работы в судебные органы на должность народного судьи. С 1921 года избрана членом президиума Совета народных судей Петрограда. С момента образования Петроградского губернского суда в феврале 1923 года занимала должность члена уголовно-кассационной коллегии Губсуда, затем такую же должность в Ленинградском окружном суде. С октября 1928 года член Ленинградского областного суда в должности председателя уголовно-кассационной коллегии. 1 февраля 1929 года выдвинута на должность заместителя прокурора Ленинградской области. Неоднократно избиралась членом Президиума КК-РКИ. В 1931 году назначена на должность заведующего бюро жалоб областной и городской Контрольной комиссии. С 1933 года работала заведующей бюро при Уполномоченном Комитета советского контроля по бюро жалоб, являлась инструктором обкома ВКП (б) [12, л. 2, 63].

Надежда Ивановна Жилевич, уроженка деревни Трубичино Новгородской губернии, из крестьян. В анкете арестованного указала на наличие среднего образования, закончила три класса сельской школы и юридические курсы при Леноблсуде. Член РКП(б) с 1920 года. В органах суда с 1924 года, начинала работу в

Новгороде. На 1930 год — член Ленинградского окружного суда, впоследствии член Ленинградского областного суда [14, л. 6; 23, л. 7, 8].

Кондаков Александр Николаевич, уроженец Петербурга, из рабочих, окончил городскую школу в 1907 году. В царской армии служил фейерверкером в Туркестане. К Красной армии с 1918 по 1920 гг. — пограничником, комендантом военного трибунала ЛВО, входил в старший начальствующий состав. В органах ГПУ, судебных органах работал с 1920 года. С 1924 года помощник коменданта, а затем комендант Ленинградского губернского (а затем областного) суда. Член ВКП (б) с 1927 года. [11, т. 1, л. 1, 4, 7, 8; т. 3, л. 4]. В 1922 году был комендантом выездной сессии ревтрибунала по делу «митрополита Петроградского Вениамина и других церковников» [25]. В 1927 г. был комендантом выездной сессии суда во время судебного процесса по делу «чубаровцев». В 1936 году окончил 4 курса Института советского права, образование незаконченное высшее. Студентом 3-го курса был выдвинут в члены Облсуда. С 1936 года по день ареста работал членом Ленинградского областного суда по уголовному отделению [11, т. 1, л. 4, 7, 8, 15; т. 2, л. 46].

Роберт Генрихович Лютер, уроженец г. Рига. Из крестьян-батраков. Образование среднее — закончил четырехклассное городское училище. Работал курьером в книжном магазине, учеником парикмахера. С 1915 года по 1918 год служил в царской армии, в химротге. Член РКП (б) с 1918 года. С 1919 по 1920 гг. следователь, а затем заместитель председателя ревтрибунала 15-ой армии, в январе 1921 года откомандирован в Петроградскую ЧК, работал следователем в Петроградском губернском ревтрибунале, член Петроградского губернского суда с момента его образования, с 1928 года по 1932 год заместитель председателя Губернского (а затем Ленинградского областного) суда по гражданским делам, член партийного бюро Леноблсуда. В 1932—1933 гг. — начальник организационно-инструкторского отдела суда и прокуратуры Ленинграда. В феврале 1934 года направлен на работу в качестве заведующего отделом кадров Ленсовета. В августе 1937 года направлен председателем юридической консультации коллегии защитников Ленинграда [13, т. 12, л. 4, 9, 10, 11, 12; т. 15, л. 93, 94, 96; 26, л. 48].

Иван Васильевич Минин, уроженец Костромской губернии, из крестьянской бедноты. Окончил трехклассную городскую школу. В царской армии был ротным фельдшером. Член РКП(б) с 1918 года. Служил в Красной Армии («высший ком-политсостав»). В судебных органах с 1923 года. Член Ленинградского областного суда, председатель Спецколлегии при Свирьлаге НКВД [10, л. 1, 5].

Елизавета Адовна Петерсон, уроженка Юрьевского уезда Лифляндской губернии. Из крестьян-середняков. По профессии — портниха. Член партии с 1916 года. В 1920 году находилась на Южном фронте в составе эстонской дивизии, затем до 1925 года работала в эстонской секции Губкома и Ленинградском отделении коммунистического университета национальных меньшинств запада [9, т. 1, л. 1, 27; 24, л. 16]. В 1924 году окончила правовое отделение ЛГУ. С этого же времени на работе в органах юстиции: являлась народным судьей г. Ленинграда, с августа 1930 года по декабрь 1931 года — член Ленинградского областного суда по уголовному отделению. В 1934 окончила Институт Красной профессуры, уголовно-правовое отделение, была заведующей учебной частью в Институте советского строительства в Ленинграде, после чего короткое время работала в уголовной коллегии Верховного Суда РСФСР. 16 января 1935 исключена из членов ВКП(б). Уехала в г. Петрозаводск, работала председателем местного комитета Пищевой конторы Карелторга [9, т. 1, л. 27-32; 27, л. 1-3, 6, 27].

Иван Георгиевич Ростовцев, уроженец Вятской губернии. Из крестьян-середняков. Образование низшее. В царской армии служил с 1915 по 1918 год старшим унтер-офицером, в Красной армии с 1918 по 1920 год. Член РКП(б) с 1919 года. Работал «четыре года в органах ЧК». Судебный работник с 1921 года, в Ленинград прибыл в 1928 году из Костромы. Начиная с 1935 года по день ухода из суда в ноябре 1937 года являлся заместителем председателя суда, исполнял обязанности председателя суда. Впоследствии работал заведующим юридической консультацией коллегии защитников Ленинграда [18, л. 1, 22, 29, 36, 67, 114, 543, 550].

Иосиф Иванович Ромейко, уроженец Виленской губернии. Из крестьян-середняков. Образование низшее — окончил сельскую школу. До революции был шорником. В царской армии служил с 1903 по 1907 гг. и с 1914 по 1917 гг. младшим фейерверкером. Член РКП (б) с 1919 года. В Красной армии с апреля 1919 по август 1923 года был комиссаром дивизии в Карельской АССР. Направлен Губпросветом для работы в судебные органы. Работал с 10 сентября 1923 года членом Постоянной сессии по Трудовым делам (Трудсессии), затем — народным судьей Володарского района [16, л. 1, 4, 8; 24, л. 16].

Сергей Дмитриевич Румянцев, уроженец Костромской губернии. Из крестьян-середняков. Образование низшее. В царской армии служил младшим фейерверкером с мая 1916 года по февраль 1918 года. В Красной армии служил с октября 1918 года по июнь 1922 года политпросвет работником. Член РКП(б) с 1919 года. В судебных органах с 1922 года, был судьей в г. Троцке (Гатчина). В 1925—1926 гг. учился на областных юридических курсах, затем назначен уполномоченным Ленинградского губернского суда в г. Вытегру. С 1931 года — в оргинстре Ленинградского областного суда. С 1933 года — член облсуда (председатель кассационной коллегии «по деревне», затем в судебной коллегии первой инстанции, председатель уголовной коллегии облсуда). С 1935 по 1937 год — председатель Псковского окружного суда [15, л. 4, 11, 58, 145, 152; 23, л. 7].

Отразившиеся в указанных делах биографические данные позволяют нам составить выборочный портрет судебных работников второй половины 1920-х — начала 1930-х гг., одновременно прослеживая общие факторы, повлиявшие на формирование их сознания, социально-политические предпочтения и нормы

поведения. Все судьи — это выходцы из рабочих и крестьянских слоев, оставившие привычный для их семей род занятий и в своем большинстве имевшие низшее образование. Школой жизни для многих из них явилась служба в армии (в особенности, служба в Красной армии), партийная деятельность, работа в чрезвычайных комиссиях и революционных трибуналах. Биографические данные также указывают на определенные способности этих людей, сопряженные с их личной энергией и амбициями. Это выражалось в активной роли в период революции и гражданской войны, а затем явилось основой карьерного роста в органах молодой советской юстиции, несмотря на отсутствие юридического образования. Можно сказать, что безусловное идейное принятие революции и участие в становлении советского государства создали своеобразный «социальный лифт», позволивший им занять достаточно высокое положение советских судебных работников. Привлечение к уголовной ответственности и арест воспринимались бывшими судьями как личная драма и недоразумение, поскольку сами себя они считали твердыми коммунистами, борцами за идеалы советской власти.

В анкетах арестованных и протоколах допросов уголовно-следственных дел фиксировались сведения о семьях арестованных лиц, что требовалось органам следствия для установления круга общения подозреваемых, а также дальнейшего определения судьбы их родственников. С большой долей вероятности можно предположить, что это оказывало давление на обвиняемых. Для целей исторического исследования такие данные позволяют представить социальный слой, к которому принадлежали судьи, узнать о роде занятий их близких, а также, понять, насколько широко репрессии против обвиняемых затронули и членов их семей. Так, в протоколах допроса И.Я.Аверина указано, что он «имеет жену (домохозяйку), приемную дочь, работающую на заводе «Радиокоминтерн», брата (извозчика)» [17, л. 6, 17]. Из постановления о возбуждении уголовного дела мы видим, что Н.И.Жилевич была привлечена к ответственности как «член семьи изменника Родины» в связи осуждением мужа (управляющего Ленинградской областной конторой Промбанка, 1-го заместителя заведующего Леноблфинотделом). Их 11-летний сын был направлен следователем в детский спецприемник [14, л. 1]. В анкете арестованного А.Н.Кондакова и протоколах его допросов отражено, что он имеет «жену (домохозяйку), сына (учащегося)». Его супруга впоследствии также была привлечена как «ЧСИР» [11, л. 4, 7; 25]. Р.Г.Лютер при допросах указывал, что вместе с ним живут его жена (по профессии продавщица), дети, мать жены. Из обвинительного заключения Р.Г.Лютера мы также узнаем, что вместе с ним был осужден и его племянник — Юрий (сын старшего брата — Яниса Лютера «Бобиса» [28], управляющего треста «Союзлесотара», который был арестован органами НКВД незадолго до этого). В Мурманске был арестован и второй брат — Эрнст, секретарь райкома [13, т. 12, л. 7; 21, т. 13, л. 5, т. 16, л. 31]. В состав семьи И.В.Минина входили: жена (домохозяйка), трое детей и мать [10, л. 5]. В протоколе допроса со слов Е.А.Петерсон указано, что ее супругом являлся «Кирик — заместитель заведующего сельхозотделом Ленобкома ВКП(б) <...> есть сын, 9 лет». Муж Е.А.Петерсон был также репрессирован [29]. В карточке осужденного она дополняет, что в Эстонии проживает ее мать и две сестры, брат «находится в Казахстане, выслан» [9, л. 1, 2, 29, 131, 193]. Семья И.И.Ромейко включала его жену (домохозяйку) и дочь (чертежницу Промкомбината Ленсовета), два брата и две сестры проживали на территории Польши [16, л. 4]. В анкете арестованного С.Д.Румянцева указан состав проживавших иждивенцев: жена (маникюрша в артели инвалидов), дочь [15, л. 4]. Из протокола ареста И.Г.Ростовцева мы видим, что при его аресте и обыске присутствовала его жена (домохозяйка), неоднократно обращавшаяся впоследствии с заявлениями об освобождении мужа. В анкете арестованного И.Г.Ростовцев также перечисляет своих братьев: врача из Свердловска, экономиста и гидрографа, проживавших в Ленинграде, брата, проживавшего в г. Киров [18, л. 18, 22].

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что советские судьи второй половины 1920 — начала 1930-х гг. и их близкие родственники представляли поистине «народный» суд, охватывавший широкие социальные слои. Обращает на себя внимание, что репрессии наибольшим образом затронули близких Р.Г.Лютера и Е.А.Петерсон, что как можно предположить, связано с активной партийно-хозяйственной деятельностью членов этих семей, и, одновременно, со сталинскими «национальными компаниями» в отношении выходцев из Лифляндской губернии [30].

Имущественное положение и быт обвиняемых также были предметом интереса органов следствия, так как «нормирование по-советски» затронуло трех «китов», на которых зиждется повседневная жизнь человека вне работы и политики: питание, жилье и одежду [31, л. 17]. Несоответствие «норме» могло само по себе вызывать подозрение, косвенно подтверждая непролетарское происхождение и «контрреволюционность». Особое значение придавалось жилью, поскольку «фундаментом реалий жилищной политики большевиков стала идея справедливого распределения материальных благ, в число которых входила и недвижимость» [31, л. 51]. По этой причине анкеты арестованных содержат вопросы о наличии имущества как до революции, так и в последующий период. На это почти все бывшие судьи указали, что до революции имущества не имели. С.Д.Румянцев пояснил, что после 1917 года у его семьи было крестьянское хозяйство [15, л. 4]. К моменту ареста какого-либо существенного имущества у обвиняемых не оказалось, что отражено не только в анкетах, но и в таких документах уголовно-следственных дел, как протоколы ареста и обыска, акты описи имущества, а также квитанции об изымавшихся при обыске вещах. Эти процессуальные акты являются свидетелями достаточно суровой обстановки, в которой проживали судьи и их семьи, а также содержат описание того, что окружало этих людей — характер жилья, предметы быта, носильные вещи, книги, оружие и т.д. Из протоколов ареста и обыска мы видим, что многие обвиняемые проживали в коммунальных квартирах. Например, при

аресте И.Я.Аверина указано, что «обысканы две комнаты по 10 метров, отопление печное» [17, л. 4]. Протокол ареста и обыска Е.И.Домбровской свидетельствует, что «комната Домбровской опечатана, ключ сдан управдому под охрану» (другую комнату в этой же квартире занимала ее коллега по Ленинградскому областному суду Е.Д.Васильева). Впоследствии в письме из лагеря с просьбой о реабилитации сама Е.И.Домбровская писала, что «всю свою жизнь прожила в одном районе города Ленинграда» [12, л. 4, 8, 9, 70]. Анкета арестованного судьи И.И.Ромейко и соответствующий протокол обыска указывают, что «опечатано две комнаты» [16, л. 3, 4]. При аресте заместителя председателя Ленинградского областного суда И.Г.Ростовцева была «опечатана одна комната» [18, л. 18] и составлен акт описи принадлежавшего ему имущества. Данный акт является наиболее полным и позволяет увидеть быт судьи того времени: «шкаф книжный; энциклопедический словарь толковый; костюм мужской шерстяной синий; брюки распороты; кепи серая ношенная, коверкот; шляпа мужская ношенная, фетр; валенки мужские ношенные, фетр; белья мужского ношеного две пары; шкаф платяной, липовый; диван мягкий не исправный, обшит материей; кровать железная; стол обеденный на тумбочке; этажерка; кресло деревянное; стулья деревянные, два; столик круглый; зеркало настольное; лампа настольная металлическая, сундук папочный; тумбочка ночная, сосновая» [18, л. 21]. Наиболее ценными вещами, указанными в квитанциях, также явились: «бумажник, четыре запонки, кожаный кошелек, денег 98 рублей 45 копеек» из квартиры Р.Г.Лютера [13, т. 12, л. 5], а также «радиоприемник — подарок от С.М.Кирова», изъятый у Е.И.Домбровской [12, л. 92]. Протоколы ареста и обыска содержат указание и на вызвавшую подозрение литературу. Так, у А.Н.Кондакова изъяты книги: «Оппозиция, течения внутри ВКП(б)» и «Рабочий класс и его партия», у Е.А.Петерсон — книга «Троцкий о Ленине», у И.Я.Аверина — 4 номера старых газет [11, л. 3; 9, т. 2, л. 190; 17, л. 7]. Обращает на себя внимание оружие, хранившееся у обвиняемых. Например, в протоколе ареста и обыска у А.Н.Кондакова читаем, что «взято для доставления в УНКВД: маузер с обоймой 7 патрон, бельгийский браунинг и 2 обоймы 14 патрон, патрон для м\калиберной винтовки 78 шт.» [11, л. 3]. Бывшие судьи указывали на именной характер оружия, оставшегося с Гражданской войны, либо на, что оно было выдано в период судебной работы.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что материалы архивных уголовно-следственных дел как исторический источник в части информации, касающейся личных сведений и быта обвиняемых, имеют высокую степень надежности. Закрепленная в указанных делах информация (с привлечением «методики двойной перепроверки данных» [21, с. 202-203; 22, с. 83]) позволяет достаточно полно воссоздать биографии и картину повседневной жизни судебных работников Ленинграда 1920—1930-х гг.

1. Воденников М.М. Судебно-следственные документы по 58-й статье как исторический источник (на основе материалов Государственного архива общественно-политической документации Курганской области). [Электр. ресурс]. URL https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/83038/1/978-5-7996-3003-4_2020_058.pdf (дата обращения: 30.09.2020).
2. Белоконов С.И. Следственные дела ЧК—ГПУ—НКВД—КГБ как исторический источник // Тоталитаризм в России (СССР), 1917—1991: оппозиция и репрессии. Пермь, 1998. 192 с.
3. Лудишин А.В. К вопросу об использовании материалов следственных дел политических процессов 20—30-х гг. в качестве исторических источников // Преподаватель XXI век. 2009. № 4(1-2). С. 234-242.
4. Тепляков А.Г. Деятельность органов ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД (1917—1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. М., 2018. 439 с.
5. Сипейкин А.В. Материалы следственных дел как источник по истории антицерковной политики советской власти в 1917—1921 годах // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 2. С. 73-92.
6. Килин А.П. Судебно-следственные дела как источник по истории частного предпринимательства на Урале в годы НЭПа [Электр. ресурс] // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 80-летию Исторического факультета Уральского федерального университета. Екатеринбург, 16—18 ноября 2018 г. Екатеринбург, 2018. С. 427-437. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/64490/1/978-5-7996-2466-8-71.pdf> (дата обращения: 30.09.2020).
7. Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург, 2015. 236 с.
8. Подкур Р., Ченцов В. Документы органов государственной безопасности УССР 1920—1930-х годов: источниковедческий анализ. Тернополь, 2010. 372 с.
9. Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-22068.
10. Там же. Д. П-21899.
11. Там же. Д. П-18733.
12. Там же. Д. П-12969.
13. Там же. Д. П-18170.
14. Там же. Д. П-277188.
15. Там же. Д. П-6094.
16. Там же. Д. П-6074.
17. Там же. Д. П-15221.
18. Там же. Д. П-14095.
19. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43709#02855530258110792> (дата обращения: 30.09.2020).
20. Издание судебно-следственных документов советского периода. Методическое пособие [Электр. ресурс]. М., 1998. URL: <http://opentextnn.ru/history/archeography/publication/rules/forensic/glava-2-otbor-sudebno-sledstvennyh-dokumentov-dlja-izdaniya/> (дата обращения: 30.09.2020).
21. Журавлев С.В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / Под ред. А.К.Соколова. М., 2004. 744 с.
22. Дюков А.Р. К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ—НКВД // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 74-84.

23. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборг (ЛОГАВ). Ф. Р-3820. Оп. 1. Д. 18.
24. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1448. Оп. 1. Д. 15.
25. Семейный архив А.Ю.Кондакова — З.Ю.Шатовой.
26. ЦГАИПД СПб. Ф. 1448. Оп. 1. Д. 17.
27. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 353. Оп. 11. «Личные дела». «Петерсон Е.А.».
28. Буренин Н.Е. «Бобис». Иван Генрихович Лютер [Электр. ресурс]. URL: <https://biography.wikireading.ru/290814> (дата обращения: 30.09.2020).
29. Поминальные списки Карелии, 1937—1938: Уничтоженная Карелия. Ч. 2 [Электр. ресурс]. Петрозаводск, 2002. URL: <https://rosgenea.ru/familiya/kirik> (дата обращения: 30.09.2020).
30. Герберг А. К вопросу о репрессиях латвийского населения в СССР в 1937—1938 гг. [Электр. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-repressiyah-latviyskogo-naseleniya-v-sssr-v-1937-1938-gg/viewer> (дата обращения: 30.09.2020).
31. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. 257 с.

References

1. Vodennikov M.M. Sudebno-sledstvennyye dokumenty po 58-y stat'e kak istoricheskiy istochnik (na osnove materialov Gosudarstvennogo arkhiva obshchestvenno-politicheskoy dokumentatsii Kurganskoy oblasti). [Forensic documents under Article 58 as a historical source (based on materials from the State Archive of Social and Political Documentation of the Kurgan Region)]. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/83038/1/978-5-7996-3003-4_2020_058.pdf (accessed: 30.09.2020).
2. Belokon' S.I. Sledstvennyye dela ChK—GPU—NKVD—KGB kak istoricheskiy istochnik [Investigative cases of the Cheka-GPU-NKVD-KGB as a historical source]. Totalitarizm v Rossii (SSSR), 1917—1991: oppozitsiya i repressii. Perm', 1998. 192 p.
3. Lutsishin A.V. K voprosu ob ispol'zovanii materialov sledstvennykh del politicheskikh protsessov 20—30-kh gg. v kachestve istoricheskikh istochnikov [On the use of materials from investigative cases of political processes of the 20—30s. as historical sources]. Prepodavatel' XXI vek, 2009, no. 4(1-2), pp. 234-242.
4. Teplyakov A.G. Deyatel'nost' organov VChK—GPU—OGPU—NKVD (1917—1941 gg.): istoriograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty [The activities of the Cheka—GPU—OGPU—NKVD (1917—1941): historiographic and source study aspects]. Moscow, 2018. 439 p.
5. Sipeykin A.V. Materialy sledstvennykh del kak istochnik po istorii antitserkovnoy politiki sovetskoj vlasti v 1917—1921 godakh [Materials of investigative cases as a source on the history of the anti-church policy of the Soviet government in 1917—1921]. Vestnik TvGU, Seriya "Istoriya", 2016, no. 2, pp. 73-92.
6. Kilin A.P. Sudebno-sledstvennyye dela kak istochnik po istorii chastnogo predprinimatel'stva na Urale v gody NEPa [Forensic cases as a source on the history of private entrepreneurship in the Urals during the NEP]. Proc. of "Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'-VII". Ekaterinburg, 2018, pp. 427-437. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/64490/1/978-5-7996-2466-8-71.pdf> (accessed: 30.09.2020).
7. Rusina Yu.A. Istochnikovedenie noveyshey istorii Rossii [Source study of the modern history of Russia]. Ekaterinburg, 2015. 236 p.
8. Podkur R., Chentsov V. Dokumenty organov gosudarstvennoy bezopasnosti USSR 1920—1930-kh godov: istochnikovedcheskiy analiz [Documents of the State Security Bodies of the Ukrainian SSR 1920—1930: Source Analysis]. Ternopol', 2010. 372 p.
9. Arkhiv Upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti RF po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti [The FSB Directorate Archive of Saint Petersburg and the Leningrad region]. D. P-22068.
10. Ibid. D. P-21899.
11. Ibid. D. P-18733.
12. Ibid. D. P-12969.
13. Ibid. D. P-18170.
14. Ibid. D. P-277188.
15. Ibid. D. P-6094.
16. Ibid. D. P-6074.
17. Ibid. D. P-15221.
18. Ibid. D. P-14095.
19. Postanovlenie VTsIK ot 15.02.1923 Ob utverzhdenii Ugolovno-Protssessual'nogo Kodeksa R.S.F.S.R. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 15.02.1923 On the approval of the Criminal Procedure Code of the R.S.F.S.R.]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43709#02855530258110792> (accessed: 30.09.2020).
20. Izdanie sudebno-sledstvennykh dokumentov sovetskogo perioda. Metodicheskoe posobie [Publication of forensic documents of the Soviet period]. Moscow, 1998. Available at: <http://opentextnn.ru/history/archeography/publication/rules/forensic/glava-2-otbor-sudebno-sledstvennykh-dokumentov-dlja-izdaniya/> (accessed: 30.09.2020).
21. Zhuravlev S.V., Sokolov A.K. (ed.). Sudebno-sledstvennaya i tyuremno-lagernaya dokumentatsiya [Forensic Investigative and Prison Camp Documentation]. Istochnikovedenie noveyshey istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika. Moscow, 2004. 744 p.
22. Dyukov A.R. K voprosu o dopustimosti ispol'zovaniya sledstvennykh pokazaniy, poluchennykh organami OGPU—NKVD [On the issue of the admissibility of the use of investigative testimony obtained by the OGPU—NKVD authorities]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy, Povolzhskiy region, Gumanitarnye nauki, 2018, no. 3, pp. 74-84.
23. Leningradskiy oblastnoy gosudarstvennyy arkhiv v g. Vyborg (LOGAV) [Leningrad Regional State Archive in Vyborg]. F. R-3820, Op. 1, D. 18.
24. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb) [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. F. 1448, Op. 1, D. 15.
25. Semeynyy arkhiv A. Yu. Kondakova — Z. Yu. Shatovoy [Family archive of A. Yu. Kondakov — Z. Yu. Shatova].
26. TsGAIPD SPb [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. F. 1448, Op. 1, D. 17.
27. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archives of the Russian Federation]. F. 353, Op. 11. "Lichnye dela". "Peterson E.A.".
28. Burenin N.E. "Bobis". Ivan Genrikhovich Lyuter ["Bobis". Ivan Genrikhovich Luther]. Available at: <https://biography.wikireading.ru/290814> (accessed: 30.09.2020).
29. Pominal'nye spiski Karelii, 1937—1938: Unichtozhennaya Kareliya. Ch. 2 [Memorial lists of Karelia, 1937—1938: Destroyed Karelia. Part 2]. Petrozavodsk, 2002. Available at: <https://rosgenea.ru/familiya/kirik> (accessed: 30.09.2020).
30. Gerberg A. K voprosu o repressiyakh latviyskogo naseleniya v SSSR v 1937—1938 gg. [On the issue of repression of the Latvian population in the USSR in 1937—1938]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-repressiyah-latviyskogo-naseleniya-v-sssr-v-1937-1938-gg/viewer> (accessed: 30.09.2020).
31. Leбина N. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stil'yu [Soviet everyday life: norms and anomalies. From War Communism to Big Style]. Moscow, 2015. 257 p.

Vorob'eva I.A. Archival criminal investigation cases as a source for studying biographical information and everyday life (based on the cases of repressed judges of Leningrad). Archival criminal investigation cases are an integral part of the historical records. The reliability and degree of reliability of the information contained in them varies depending on the extent to which the investigating authorities and the courts interpreted the information in their way. The personal data and information about the place of residence entered into the procedural documents remained intact, and therefore can be used to reconstruct the biographies and life of the accused.

Keywords: historical sources, forensic case, biographical information, everyday life, Soviet judges, Leningrad.

Сведения об авторе. Ирина Альбертовна Воробьева — аспирант кафедры Отечественной истории РГПУ им А.И.Герцена; ORCID: 0000-0003-0281-5628; vorobey22@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.10.2020. Принята к публикации 01.11.2020.